

**Музеефикация Бородинского поля:
проект Великого князя Сергея Александровича**

Великий князь Сергей Александрович (1857–1905) был московским генерал-губернатором с 1891 по 1905 гг. Почти все это время он, в чине генерал-лейтенанта, одновременно являлся командующим Московским военным округом. В 1898 г. он неофициально посетил Бородинское поле. Личные впечатления от этой поездки стали основанием для предложений, изложенных в его рапорте от 11 июля 1899 г., направленном в Главный штаб Военного Министерства.

Этим рапортом «Августейший командующий войсками просил ходатайства Главного штаба:

1) об издании а) подробного общедоступного описания Бородинского сражения, б) путеводителя по Бородинскому полю, иллюстрированного фотографическими снимками всех его исторических пунктов;

2) об обращении домика сторожей в Музей Бородинской битвы, в котором был бы организован склад упомянутых изданий и продажа их туристам;

3) об организации охраны всех укреплений Бородинского поля, возложив таковую на особого офицера, командированного от войск, в роли коменданта, с командой нижних чинов в 15–20 человек, сменяемой по усмотрению окружного начальства; при чем для помещения этого караула необходимо выстроить казарму для людей и помещение для офицера. Существующая ныне охрана всех укреплений обширного поля двумя старыми инвалидами по мнению начальства Московского округа не достигает никакой цели;

4) об отчуждении в казну с передачей военному ведомству

участков земли, находящихся под укреплениями, и

5) о командировании для съемки Бородинского поля топографов из состава чинов Военно-топографического отдела»ⁱ. Эти предложения обосновывались интересом Великого князя Сергея Александровича к вопросу «о сохранении остатков уцелевших укреплений всех полей сражений, имеющих особенно важное военно-историческое значение, и Бородинского поля в особенности в виду приближающегося столетия Отечественной войны»ⁱⁱ.

В этом, назовем его Бородинским, проекте подготовки к юбилею, следует обратить внимание на следующее обстоятельство: в нем ничего не говорится об установке на Бородинском поле памятников-монументов, а главное внимание вместо этого обращено на охрану и выкуп всех *укреплений* «обширного поля» с соответствующими земельными участками, а также создание на нем *музея*.

Несмотря на высокое общественное положение автора этих предложений, на протяжении почти двух лет Главным штабом для их реализации не было сделано ничего, «и даже не получено никакого уведомления», за исключением неисполненного обещания командировать топографов. Видимо в Военном Министерстве подготовку к столетию «грозы двенадцатого года» сочли преждевременной.

Дело сдвинулось с мертвой точки после того как в Главный штаб 25 апреля 1901 г. был направлен рапорт за подписью начальника штаба Московского военного округа генерал-лейтенанта Соболева. В нем повторялись указанные предложения и сообщалось, что «Его Императорское Высочество <...> изволил приказать просить Главный штаб сообщить, что предложено сделать в удовлетворение означенного ходатайства Великого князя, и какой еще особой переписки по вопросу о съемке Бородинского поля, кроме изложенной в рапорте 10507/1899 г. ожидает Военно-Топографический отдел»ⁱⁱⁱ.

Этот рапорт является первым документом дела «О сооружении памятника Отечественной войны 1812 г.». Оно было выявлено сотрудниками РГВИА в 2004 г. при подготовке совместной с Бородинским музеем-заповедником выставки «Бородино. Поле битвы, поле славы». Дело на 46 листах велось Военно-историческим отделением Главного Управления Генерального Штаба Военного Министерства, «началось 4 мая 1901 г., кончилось 19 февраля 1903 г.», после чего было передано в Отдел по устройству и службе войск. Содержащаяся в нем переписка двух штабов позволяет получить представление об указанном проекте музеефикации Бородинского поля, его развитии и процессе реализации.

Предложения штаба Московского округа были в письменном виде доложены исполняющему обязанности Военного Министра генерал-лейтенанту В. В. Сахарову генерал-квартирмейстером, генерал-майором Я. Г. Жилинским, который выразил совершенно «нейтральное» мнение Главного штаба: «...в случае если Вашему Превосходительству угодно будет дать принципиальное согласие на удовлетворение назначенного ходатайства, полагалось бы войти в сношение со Штабом Московского округа относительно представления подробной сметы расходов, вызываемых проведением в жизнь изложенных выше мероприятий»^{iv}. Полученная 26-го мая резолюция носила более определенный характер. Кроме запроса о подробной смете расходов в ней содержался вопрос о состоянии укреплений Бородинского поля, распоряжение о его топографической съемке, а также предложения по охране: «...если нельзя эту охрану поручить инвалидам, то не представляется ли возможным назначить с этой целью несколько жандармов или казаков, которые могут объезжать поле и охранять укрепления»^v.

Съемка Бородинского поля с рекогносцировкой сохранившихся

укреплений была произведена только через год, с 17 июня по 1 августа 1902 г. военным топографом коллежским советником Ф. Богдановым.

Штаб Московского округа летом 1901 г. оперативно собрал сведения о сохранившихся укреплениях и возможных расходах, которые представил в рапорте от 11 декабря. По месту расположения они были разделены на шесть групп: «редут у Шевардина, остатки французских земляных укреплений у с. Доронина и траншеи, сооруженные нашими войсками при отступлении от Шевардина на Семеновские высоты», «Семеновские флешы», «курган Раевского», «батареи у д. Горок», «французские реданы западнее с. Бородина», «укрепления правого фланга у д.д. Масловой и Кривушина». В рапорте содержится в той или иной степени подробные описания этих укреплений: «...особенно хорошо сохранился Шевардинский редут, лежащий южнее д. Шевардино, редут пятиугольный, величиною на 2 роты, заметно, что был приспособлен к артиллерийской обороне, внутренность его сгладилась; наружный ров сохранился хорошо; все линии профили закруглились», «...из 3 флешей сооруженных нашими войсками, левая, меньшая по размерам, сохранилась до настоящего времени очень хорошо; она представляет пятиугольное укрепление, приспособленное к артиллерийской обороне, величиною не более как на 2 роты, профиль около 7 футов, длина передних фасов до 50 сажень, бруствер порос деревьями; правая большая флешь... профиль его до 9 футов, размеры на батальон... Остатки третьей флешы представляют собой вал, до 5-6 футов высотой, в форме исходящего угла, вершина которого обращена к д. Семеновской...»^{vi}. Эти и другие описания основаны, очевидно, на натурном осмотре, однако их размеры указаны весьма приблизительно, поскольку топоъемка укреплений производилась позднее, летом 1902 г. Описание укреплений у д. Криушино отсутствует.

Для каждого из укреплений, следы которых удалось зафиксировать,

в рапорте указана площадь земельного участка и стоимость, по которой владельцы соглашались его продать. Практически все цены полицейские власти Можайского уезда признали завышенными. Препятствиями для покупки участков были и особые условия некоторых владельцев. Это касалось, в частности, вероятно батареи Фуше: «Траншея к востоку от Шевардина занимает часть фруктового сада купца Володина; последний отчуждение земли признает для себя не желательным, но предлагает уступить все имение за 50000 руб. Условие это совершенно не соответствует ни важности сохранившегося укрепления в военно-историческом отношении, ни качествам уступаемого имения (203 десятины, в том числе 90 по лесом)»^{vii}.

Сопоставив сохранность и значение укреплений с продажной стоимостью земельных участков, штаб Московского округа сделал вывод: «отчуждить желательно бы было земли, занятые Семеновскими флешами, французскими батареями против с. Бородина, Шевардинским редутом, Масловскими укреплениями и остатками Кутузовской батареи в д. Горках»^{viii}.

Подробное ознакомление с расположенными на поле объектами стало основанием для еще одного важного решения: «Музей Бородинской битвы было бы желательно устроить в одном из флигелей Бородинского дворца, который в настоящее время заключает в себе не мало картин и разных вещей, относящихся к войне 1812 г. и к параду 1839 г., произведенному на Бородинском поле Государем Императором Николаем Павловичем по случаю открытия памятника на кургане Раевского»^{ix}.

Согласно этому рапорту, издание общедоступного описания Бородинского сражения и путеводителя приняли на себя генерального штаба подполковники Стремоухов и Обошешев. Чтобы не строить казарму, охранников «поля с его укреплениями» предложено разместить «по обывателям с. Бородина или в одной из дворцовых служб».

Все это было доложено военному министру с приложением особого мнения Военно-ученого комитета: поскольку «вопрос об увековечении памяти Бородинской битвы поднимается уже не впервые и в этом направлении сделано уже не мало» (памятник императора Николая I, Бородинское государево имение, Спасо-Бородинский монастырь), «...в осуществлении всех мероприятий, предлагаемых штабом Московского военного округа, особенной настойчивости не усматривается, тем более, что в настоящее время, вследствие чрезвычайных расходов двух последних лет трудно указать источник, из которого можно было бы отпустить требуемую сумму около 25 тыс. рублей»^x. Чтобы сократить расходы до размеров, позволяющих отнести их «на суммы мелочного кредита канцелярии военного министерства», предложено выкуп земли ограничить Шевардинским редутом и «выработать условия уступки» территории флешей, которая «никаких доходов, кроме сенокоса, монастырю не приносит». Прочие мероприятия, которые не требовали значительных расходов, предлагалось одобрить.

Резолюция генерала Сахарова, написанная между строками печатного текста этого доклада 14 января 1902 г., весьма выразительна: «Эти памятники так важны, что необходимо испросить Высочайшее соизволение на покупку всех участков, указанных Московским начальством. В остальном согласен с заключением»^{xi}. В соответствии с этим решением штабу Московского округа было предложено «не отказать в распоряжении о соответствующих сношениях для выработки условий уступки земельных участков, занятых: 1) Шевардинским редутом, 2) Масловской группой, 3) Кутузовской батареей, 4) Семеновскими флешами, с принятием надлежащих мер к определению действительной стоимости сих участков»^{xii}. Французские укрепления не были включены в этот список может быть потому, что располагались на земле Бородинского императорского имения.

Переговоры с крестьянами, которые велись Управлением окружного генерал-квартирмейстера через земских начальников, завершились в апреле приговорами сельских обществ, согласно которым «крайние цены» не были снижены. После уточнения площадей участков, занятых укреплениями в Шевардино, Горках и Маслове, их стоимость составила около 7000 рублей.

Вопросом о флешах занималась комиссия в составе окружного генерал-квартирмейстера генерал-майора Шейдемана, неперменного члена Московского Губернского правления коллежского советника Полянского, старшего адъютанта штаба Московского округа подполковника Оболенева и священника Спасо-Бородинского монастыря отца Андрея Лебедева. Она была создана по просьбе настоятельницы монастыря игумении Гавриилы, которая «по предварительном соглашении с сестрами» готова была еще в сентябре 1901 г. «уступить Военному Ведомству часть земли, занятую двумя флешами»^{xiii}. Выехав на место 15 июня 1902 г. комиссия выяснила, что «продать землю, занятую флешами, монастырь не может, как потому, что владеет очень ограниченным количеством земли, так и вследствие того, что средняя и правая флешь вошли в состав земли, застроенной монастырскими зданиями (у монастыря всего 8 десятин); перенести же все указанные выше постройки на новое место не представляется возможным». Монастырь выразил готовность «взять на себя охранение и поддержание флешей в таком виде, в каком они будут сданы монастырю военным ведомством по восстановлению их» если оно произведет работы по переносу на другие места части хозяйственных построек и выдаст «денежную субсидию».

Комиссия, приняв во внимание «что: 1) Спасо-Бородинский монастырь, сам по себе, является памятником Бородинской битвы, 2) что основательница его, игумения Мария, была первым лицом, по

собственному почину решившимся увековечить достопамятный бой соответствующим памятником, 3) что монастырь крайне нуждается в земле, занятой флешами и что находящаяся в ограде его средняя флешь поддерживается очень внимательно и заботливо», решила «признать условия монастыря выполнимыми для Военного ведомства, тем более что без них восстановление Семеновских флешей исполнено быть не может»^{xiv}. Следует отметить, что в этом документе впервые говорится о *восстановлении укреплений*.

О результатах проделанной работы с приложением планов земельных участков в октябре 1902 г. было доложено в Главный штаб. Военно-ученый комитет в лице управляющего делами генерал-майора Целебровского, который вел всю эту переписку, вновь признал стоимость земель чрезмерной и запросил в Московском округе целый ряд «дополнительных сведений». Действительную стоимость участков было предложено определить по сведениям из земельных банков об их доходности, без учета того, что участки находились в середине крестьянского надела (Шевардино) или среди построек (Горки). Размеры расходов на выполнение условий монастыря, включавших снос на правой флешей скотного двора, конюшни, погреба, амбара, предложено определить вместо «командируемого техника» одному из военных инженеров округа (?). Наконец, требование предоставить «общие итоги всех расходов как единовременных, так и ежегодных» на приобретение или пользование земельными участками, приведение укреплений «в надлежащий вид», их охрану и поддержание в этом виде, невозможно было выполнить до разработки технической документации^{xv}.

Не менее сложно решался вопрос о создании музея. В январе 1902 г. Военно-ученый комитет сделал запрос в Департамент уделов о возможности его размещения в одном из флигелей Бородинского дворца, «чем была бы достигнута локализация исторического материала». При

этом «устройство музея Бородинской битвы на самом поле сражения» было указано в ряду мер, которые «в виду приближающегося столетия Великой Отечественной войны Военным Министерством принимаются»^{xvi}. В полученном ответе вполне резонно было отмечено, что «для составления заключения о том, насколько флигеля названного Дворца могут соответствовать намеченной цели, необходимо знать, каким требованиям в отношении вместительности, внутреннего расположения и внешнего вида проектируемого музея должны удовлетворять эти постройки»^{xvii}. Здесь же сообщались сведения об этих флигелях с приложением плана и фасада.

Штабом Московского округа 2 ноября 1902 г. в Главный штаб был направлен рапорт, текст которого мы приводим полностью: «Музей Бородинской битвы на Бородинском поле более соответственным признавалось бы устроить в здании дворца села Бородина, так как сам по себе дворец является историческим памятником событий, связанных с освящением памятника войны 1812 года, и заключает в себе уже в настоящее время много портретов деятелей Отечественной войны и рисунков, относящихся как к Бородинской битве 26 августа 1812 года, так и к освящению памятника этой войны на кургане Раевского Государем Николаем Павловичем.

Внешний вид дворца, его вместительность вполне отвечают намеченной цели; что касается внутреннего его расположения, то таковое, по всей вероятности, потребует незначительных работ по расширению некоторых комнат, особенно на верху.

Флигеля же желательно было бы оставить на случай, если бы оказалось нужным впоследствии расширить музей, а также для жизни лиц, которым будет поручено содержание музея в порядке и наблюдение за его сохранностью»^{xviii}.

Очередное отрицательное заключение Военно-ученого комитета

имело на сей раз серьезное обоснование – «ВЫСОЧАЙШЕЕ соизволение на учреждение особой комиссии под председательством Члена Государственного Совета, генерал-адъютанта Обручева, для разработки проекта об устройстве общего военно-исторического музея, предназначенного, главным образом, для увековечения памяти Отечественной войны, но имеющего включить в себя памятники всех войн, веденных Россией». Испрашивая указание военного министра, генерал-майор Целебровский выразил свое мнение: «В виду существования подобного предположения, устройство отдельного музея Бородинской битвы, центрального события Отечественной войны, казалось бы, должно повредить исторической ценности и интересу проектируемого общего военно-исторического музея»^{xix}. Он предложил передать ходатайство Московского округа на рассмотрение указанной комиссии.

На этом докладе есть два указания. Первое из них: «Музей для подробностей Бородинского сражения может существовать и не помешает общему музею». На его основании, после соответствующего запроса Военно-ученым комитетом 22 января 1903 г. было получено письмо Главного Управления Уделов о том, что с его стороны препятствий для устройства музея в здании Бородинского дворца нет. Более того, это Управление «считало бы возможным передать в ведение Военного Министерства всю Бородинскую усадьбу, т. е. дворец с принадлежащими к нему служебными флигелями, на все то время, пока музей будет существовать в указанных зданиях»^{xx}. Вскоре были получены сведения о расходах на содержание Бородинской усадьбы – около 960 рублей в год с дополнением: «На строительные и ремонтные работы по Бородинской усадьбе, кроме упомянутой выше суммы, израсходовано: в 1899–1079 р. 15 к., 1900–540 р. 80 к., 1901–1695 р. 24 коп. и 1902–38 р. 75 к.»^{xxi}. Этот документ является в деле последним,

может быть потому, что было исполнено и второе указание военного министра: «Конечно, надо передать ген. Обручеву». В результате военный музей в Бородинском дворце не был создан.

В деле «О сооружении памятника Отечественной войны 1812 г.» нет документов, подписанных Великим князем Сергеем Александровичем. Тем не менее, настойчивость в попытках реализации Бородинского проекта говорит о его личном участии в нем. Более того, в деле имеется «Выписка из всеподданнейшего отчета ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЫСОЧЕСТВА, Командующего войсками Московского военного округа за 1901 год» с предложением заблаговременно, по всей России, начать подготовку к юбилею: «Через десять лет исполнится столетие со времени славной Отечественной войны 1812 года. Единоборство русского народа с соединенными силами почти всей западной Европы, во главе которых стоял величайший полководец мира, покрыло неувядаемой славой Императора Александра I-го, его верных сподвижников, доблестную русскую армию с ее казаками и русский народ. Исход борьбы был неожиданный. Подвиги, как русских войск, так и войск Наполеона, были изумительны.

Россия, пострадавшая от нашествия свыше полумиллионной армии вышла из борьбы нравственно окрепшею. Спокойное мужество русского народа, религиозного и глубоко преданного своему Верховному Вождю, не пожалевшего принести в жертву свою жизнь, свое имущество, свои жилища и первопрестольную столицу, укрепило славу и могущество России.

Отечественная война составляет блестящую страницу нашей истории. Пройдут столетия и воспоминания о подвигах этой войны быть может еще не исчезнут из народной памяти; но настанет наконец время, когда новые более сильные впечатления могут изгладить из воспоминаний многие черты этого крупного исторического подвига.

Для увековечения событий Отечественной войны, казалось бы следовало создать прочные памятники, которые напоминали бы народу его прошлую славу, а для решения вопроса о том, что надлежит для сего исполнить, в какой срок и при помощи каких средств следовало бы теперь же образовать особые комитеты, поставив во главе их главный комитет, который учредить в Москве»^{xxii}. Среди конкретных задач главного юбилейного комитета указано строительство музея 1812 года «в ближайших окрестностях Москвы», выяснение способов передачи туда документов или «их точных копий», назначение крупных премий за литературные, живописные и скульптурные произведения, «что побудит многих талантливых писателей соответственно разработать важную в жизни русского народа историческую эпоху» и «даст толчок к еще более обширному развитию у нас исторической живописи и ваяния». Комитет должен был решать и финансовые вопросы «по сметам государственных расходов с начала работ по 1912 год»^{xxiii}.

Эта выписка 4 октября 1902 г. была направлена в Военно-ученый комитет, чтобы во исполнение Высочайшей резолюции («Представить соображения в виду предполагаемого учреждения нового Военного Музея») «дать к прилагаемой выписке необходимые объяснения, которые и доставить в Канцелярию Военного Министерства в самом непродолжительном времени непосредственно от себя»^{xxiv}. Уже 7 октября генерал-майор Целебровский представил свои соображения, согласно которым, в связи с утверждением комиссии для создания упомянутого военно-исторического музея в Петербурге, «устройство отдельного музея Отечественной войны в Москве представлялось бы нецелесообразным, так как, рассредоточивая хранилища исторических памятников, оно затруднило бы весьма поучительное знакомство с ними, значительно повысило бы стоимость осуществления сего мероприятия и, наконец, уменьшило бы интерес и историческую ценность каждого из хранилищ в

отдельности.

В качестве особого памятника Отечественной войны, предназначенного исключительно для Москвы, игравшей видную роль в упомянутой эпохе, могло бы послужить приобретение казною фортификационных сооружений Бородинского поля в целях поддержания их в надлежащем виде на вечные времена.»^{xxv}. Отметив, что последняя инициатива начальства Московского округа получила принципиальное одобрение военного министра, Целебровский пишет далее, что «...по приказанию Военного Министра генерального штаба генерал-майором Харкевичем был составлен перечень достопримечательных эпизодов этой войны, не воспроизведенных еще на полотне, и список этот, заключающий 18 эпизодов, расположенных по степени их важности, в начале сего года был препровожден Министру ИМПЕРАТОРСКОГО Двора с просьбой об оказании материального содействия к осуществлению сей меры, причем, в качестве вполне подготовленного исполнителя сего заказа, быть указан художник Верещагин»^{xxvi}. Вопрос о литературных премиях было предложено обсудить вышеупомянутой комиссии.

После этого доклада Целебровского с резолюцией «Согласен. Сахаров» и припиской «Его Вел. лично указал ген. Обручеву, чтобы общий музей был закончен непременно к 1912 году. Никаких резонансов особ. музею в Москве нет» дело «О сооружении памятника Отечественной войны 1812 г.» было закрыто.

Содержание Бородинского проекта, изложенное в указанном деле кратким языком военного делопроизводства, может быть раскрыто подробнее, если внимательно ознакомиться с книгой Бородинский бой и его памятники на Бородинском поле», изданной в 1903г. в Москве типографией штаба Московского военного округа. Ее автор – старший адъютант Генерального штаба подполковник Н.Н. Оболешев, подпись

которого присутствует на всех исходящих документах Бородинского проекта^{xxvii}. Он был не только его исполнителем, но и, судя по этому изданию, единомышленником Великого князя.

Предисловие к книге начинается буквально теми же словами о значении Отечественной войны 1812 года, с которых начинается указанная «Выписка из всеподданнейшего отчета...», в контексте чего Оболешев показывает «Бородинский бой, замечательный и ужасный по кровопролитию и упорству, проявленному обеими сторонами»^{xxviii}. Цель этого издания – «служить пособием для войск, при ознакомлении их со славным прошлым нашей армии, а равно и путеводителем при изучении памятников знаменитой битвы, до ныне сохранившихся на Бородинском поле»^{xxix}. Таким образом, перед нами вышеупомянутый «общедоступное описание Бородинского сражения и путеводитель» подполковников Стремоухова и Оболешева, в котором участие первого ограничилось предоставлением иллюстраций из своего собрания.

В упомянутом предисловии сказано кратко и о главной идее Бородинского проекта: «Памятников этих немного, и им угрожала опасность бесследно исчезнуть, но Августейший Командующий войсками Московского округа, Великий Князь Сергей Александрович, обратил свое внимание на эту опасность и возбудил ходатайство об отчуждении казною земель, занятых укреплениями, воздвигнутыми трудами наших доблестных воинов и обагренных их кровью. В настоящее время вопрос этот решен в благоприятную сторону и, можно надеяться, что к столетию Бородинской битвы на поле будут возобновлены в своем первоначальном виде укрепления, дорогие для каждого из нас по воспоминанию о мужестве, доблести и презрению к смерти, проявленными их защитниками»^{xxx}. Судя по дате цензурного дозволения книги – 18 октября 1902 г., это написано еще до получения обескураживающего декабрьского ответа из Военно-ученого комитета. Эта надежда частично

сбылась в 1912 г.

Главные памятники Бородинского поля – сохранившиеся укрепления, описаны Оболеневым в книге гораздо более детально, чем в рапорте. В ней даны их планы с обозначением масштаба, о съемке которых летом 1902 г. известно из указанного дела. Эти материалы свидетельствуют о большой подготовительной работе для восстановления укреплений, проделанной Н.Н. Оболеневым задолго до того, как в 1908 г. такое предложение выдвинул полковник В.Н. Никольский^{xxxі}.

Музейная часть Бородинского проекта в книге Оболенева не отражена вероятно по той причине, что этот вопрос не был решен «в благоприятную сторону». В ней лишь подтверждается наличие в домике-сторожке первых экспонатов Бородинского музея: «...в рамках под стеклом хранятся планы Бородинского боя, составленные графом Толем; тут же в особом ящике берегаются лопаточка и молоток, служившие Наследнику Александру Николаевичу при закладке памятника»^{xxxіі}.

Спасо-Бородинский монастырь, монумент на батарее Раевского и церковь в селе Бородине Оболенев описал весьма кратко, но с важным пояснением: «благодаря 3 перечисленным памятникам место кровавой и ожесточенной битвы сделалось для нас, русских, святым местом, куда приходят поклониться праху доблестных защитников родной земли»^{xxxііі}. В сферу внимания Оболенева был включен оптимальный маршрут «удобного и поучительного осмотра поля с его достопримечательностями» и лучший пункт для ночлега – «странноприимный дом при Спасо-Бородинском монастыре, где, благодаря любезности и вниманию сестер-монахинь, можно получить, за скромную плату, чистую комнату и свежие молочные продукты, яйца и хлеб»^{xxxіііі}. Он зафиксировал также основные изменения исторического ландшафта: «Спасо-Бородинский монастырь, монумент в память 1812

года, домик сторожей около него и Императорский дворец в с. Бородине составляют наиболее существенные предметы, благодаря которым современное Бородинское поле отличается от поля 1812 года. Во всем остальном местность мало изменилась; главнейшие ее изменения сводятся к следующему:

1) Между центральной батареей и р. Колочей выросла роща, которой прежде не было,

2) внутренность позиции – между боевыми линиями и резервом – прежде поросшая кустами, ныне открыта,

3) у Шевардина, на открытой в 1812 г. равнине возникла усадьба с господским домом и садом,

4) Старая Смоленская дорога заросла и направление ее едва заметно, и

5) левый фланг разрезан Московско-Брестскою ж.д.»^{xxxv}.

Все это отсутствует в изученном нами архивном деле, однако в его контексте позволяет сделать вывод о значительной глубине проработки Бородинского проекта.

Великий князь Сергей Александрович был первым государственным деятелем в России, который еще в 1899 г. предложил начать подготовку к столетию Отечественной войны 1812 года путем увековечения памяти о главном ее событии – Бородинском сражении. При участии подполковника Оболенева он разработал проект восстановления сохранившихся на Бородинском поле укреплений как самых подлинных свидетельств битвы и создания на месте сражения военно-исторического музея. Фактически этот проект превращал само поле сражения в главный памятник его участникам. Бородинский проект встретил скрытое, а местами и явное сопротивление Военно-ученого комитета, который сумел получить от императора Николая 11-го одобрение идеи сделать главным юбилейным объектом новый военный

музей в Петербурге. В результате такого противостояния реализовать проект в рамках Военного Министерства оказалось невозможно. Заложенные в нем идеи были частично осуществлены в 1912 году.

Примечания

ⁱ РГВИА. Ф.401.Оп.5. Д.570. Л. 1, 1 об.

ⁱⁱ Там же. Л.1 об-2.

ⁱⁱⁱ Там же. Л.2.

^{iv} Там же. Л.5 об.

^v Там же. Л.6 об.

^{vi} Там же. Л.9, 9 об.

^{vii} Там же.

^{viii} Там же. Л.10, 10 об.

^{ix} Там же.

^x Там же. Л.14 об.

^{xi} Там же. Л.13.

^{xii} Там же. Л.17 об.

^{xiii} Подвижницы Спасо-Бородинского монастыря. Можайск, 1994. С.143.

^{xiv} РГВИА. Ф.401.Оп.5. Д.570. Л. 23.

^{xv} См. там же. Л.39-40.

^{xvi} Там же. Л.16.

^{xvii} Там же. Л.19.

^{xviii} Там же. Л.32, 32 об.

^{xix} Там же. Л.37.

^{xx} Там же. Л.41.

^{xxi} Там же. Л.46.

^{xxii} Там же. Л.25, 25 об.

^{xxiii} Там же. Л.25 об., 26.

^{xxiv} Там же. Л.24.

^{xxv} Там же. Л.27 об.

^{xxvi} Там же. Л.28.

^{xxvii} По сведениям А.Г. Кавтарадзе генерал-майор Николай Николаевич Обошешев, окончивший Академию Генерального штаба в 1894 г., добровольно поступил в Красную Армию и в 1919–1920 гг. числился в составе Генерального штаба РККА. См.: *Кавтарадзе А.Г.* Военные специалисты на службе Республики Советов 1917-1920 гг. М.: Наука, 1988. С. 249.

^{xxviii} *Обошешев Н.Н.* Бородинский бой и его памятники на бородинском поле. М., 1903. С. 5.

^{xxix} Там же. С. 6.

^{xxx} Там же.

^{xxxi} См.: *Анфилатов В.Е., Малышкин С.А.* Столетие Отечественной войны 1812.//Отечественная война 1812 года: Энциклопедия. М.,2004. С. 680.

^{xxxii} *Обошешев Н.Н.* Ук. соч. С.117.

^{xxxiii} Там же. С. 121.

^{xxxiv} Там же. С. 131.

^{xxxv} Там же.